LA

SCIENCE ET LE MATÉRIALISME

ÉTUDE PHILOSOPHIQUE

PRÉCÉDÉE D'UN

DISCOURS AUX ÉTUDIANTS SUISSES

PAR

ERNEST NAVILLE

Docteur en philosophie honoris causa de l'Université de Zurich,
Professeur honoraire de l'Université de Genève.

R.F.
131743

PUBLIÉ PAR LE COMITÉ D'INITIATIVE DU JUBILÉ
DE M. ERNEST NAVILLE.

GENÈVE
A. CHERBULIEZ, ÉDITEUR
Rue Bovy-Lysberg;

PARIS
C. FISCHBACHER, LIBRAIRE
33, Rue de Seine.

1891

НАУКА И МАТЕРИАЛИЗМ

Философское исследование

С вступительной речью к швейцарским студентам

Доктор Эрнест Навиль

Doctor ès Lettres, профессор Академии Женевы,

почётный профессор и член многих академических учреждений

Женева — Париж

1891 г.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

- Предисловие
- Речь к швейцарским студентам
- Наука и материализм – 12
- Приложение – 26
- Краткий обзор книги – 31

ПРЕДИСЛОВИЕ

Комитет, принявший на себя заботу об издании этой небольшой книги, тем самым выразил своё одобрение основному направлению моих размышлений — что я особенно ценю. Вряд ли необходимо уточнять, что он не стремился полностью солидаризироваться с каждым из моих частных взглядов, по которым у меня могут быть расхождения с теми, кто, не разделяя их в полной мере, тем не менее, захотели поддержать эту инициативу, за что я искренне признателен и здесь выражаю свою благодарность.
Эрнест Навиль. Женева, 5 февраля 1891 г.

РЕЧЬ ШВЕЙЦАРСКИМ СТУДЕНТАМ

Швейцарские студенты, мои юные соотечественники!
Работа о науке и материализме, которая следует за этими строками, непосредственно обращёнными к вам, была в значительной мере опубликована ранее в Revue philosophique de la France et de l’étranger, но я посвящаю её именно вам, потому что она была написана с мыслью о вас. Я говорю с вами как старый студент — с молодыми студентами — и делюсь с вами одним из главных итогов долгих лет размышлений, чтения и опыта.

Моё исследование, если вы потрудитесь прочитать его с тем вниманием, какого требует обсуждаемый вопрос, может, быть может, убережёт вас от влияния доктрины, которая в мои юные годы имела лишь редких защитников, но ныне переживает тревожное возрождение и стала одной из отличительных черт современного движения мысли. Громкие голоса с уверенностью утверждают, что материализм — это естественный продукт прогресса современной науки, и что его утверждения ныне покоятся на незыблемом основании. А между тем, я считаю эту доктрину ложной и губительной. Ложной — потому что она противоречит данным серьёзного и всестороннего изучения фактов; губительной — потому что она по своей природе разрушает не только надежды религии (в самом широком смысле этого слова), но и основы нравственности.

Профессор Геккель возражает против смешения «морального материализма», который приводит к исключительному стремлению к чувственным удовольствиям, с «научным материализмом», одним из самых известных сторонников которого он является[1]. Многие из его коллег выражаются в том же духе. Эти возражения справедливы в отношении отдельных лиц. Если бы вы думали, что философ-материалист непременно ведёт чувственную жизнь, вы совершили бы ту же ошибку, что и при утверждении, будто сторонник спиритуализма непременно живёт в соответствии с законами духа. Как среди спиритуалистов бывают люди, предающиеся чувственным удовольствиям, так и среди материалистов встречаются люди добродетельные. Но это требует пояснения.

[1] Die Welträthsel, c. 33–34.

Осторожные расчёты могут привести к внешнему соблюдению нравственного поведения. Эпикур, хотя и ставил высшее благо в удовольствиях чувств, по свидетельству лучших источников, вёл весьма воздержанный образ жизни. Он понимал, что умеренность — лучший из расчётов, потому что «голод — лучший повар». В таком случае речь идёт лишь о видимости нравственности, о поведении людей, которых Сократ в Федоне с остроумием называет «умеренными по причине невоздержания». Есть материалисты, которые не попадают в эту категорию: они по-настоящему добродетельны, ибо соблюдают моральные законы не из корыстного расчёта, а из подлинного чувства долга. Как же тогда согласовать это с утверждением, что материализм разрушает основы нравственности?

Существуют два объяснения. Первое: человек по своей природе способен к непоследовательности. Это — беда для тех, чьи взгляды соответствуют истине, и благословение для тех, чьи взгляды ложны. Есть материалисты с твёрдым нравственным чувством, которые следуют его побуждениям, не осознавая, что источник их поступков противоречит их теории; у них существует разрыв между жизнью и наукой.

Второе объяснение: само занятие наукой часто предохраняет от соблазнов чувственной и пустой жизни. Умственная деятельность, даже если она и ошибочна, дарит благородные радости, которые тот, кто их испытал, всегда предпочтёт удовольствиям низшего порядка. Я охотно признаю, без всяких оговорок, что можно встретить материалистов высоких нравственных качеств, которые искренне исполняют свой долг. Но то, что верно в отношении отдельных личностей, особенно тех, кто предан науке, не применимо к людям в целом.

Геккель, вполне прав, когда возражает против несправедливых личных упрёков, абсолютно неправ, когда утверждает, что между теоретическим материализмом и материализмом нравов «нет ничего общего». Послушайте на этот счёт размышления Лейбница. Обсудив доктрины, способные поколебать основы религии и нравственности, он добавляет: «Я знаю, что есть прекрасные и доброжелательные люди, которые утверждают, что эти теоретические взгляды оказывают меньшее влияние на практику, чем принято считать. Я также знаю, что есть личности с благородной природой, которых никакие идеи не заставят

поступиться достоинством. Те, кто пришёл к ошибочным взглядам путём размышлений, обычно по натуре склонны избегать пороков, в которые впадает большинство людей. К тому же они заботятся о чести той школы, к которой принадлежат, как к вождям. Можно сказать, что Эпикур и Спиноза, например, вели вполне образцовую жизнь. Но эти причины почти всегда исчезают у их последователей или подражателей, которые, считая себя освобождёнными от докучливого страха перед Провидением и грозным будущим, дают волю своим низменным страстям и стремятся совратить и развратить других» (Новые опыты о человеческом разуме, кн. IV, гл. 16).

Эти слова подтверждаются наблюдением за фактами. Простые последователи плохой философии, те, кто усваивает её более или менее пассивно, не обладают, как лидеры школ, той защитой, которую даёт активная мыслительная работа. Последователи Эпикура, как правило, не подражали суровой умеренности своего учителя. При передаче учения непоследовательность исчезает, и логика вновь вступает в свои права. Так в чём же логические последствия материализма?

Суть этой доктрины, несмотря на разнообразие её проявлений, заключается в механистическом взгляде на вселенную, включая в неё и самого человека. Такая концепция мира, где всё происходит по неизменным законам движения, не обязательно предполагает атеизм. С учётом данных современной науки, уже невозможно объяснять явления случайными сочетаниями атомов, блуждающих наугад в пространстве: всё объясняется законами движения. А законы эти — проявление разума. Ничто не мешает, следовательно, тому, чтобы, утверждая механический характер мира, признавать в его начале разумного двигателя. Хотя материализм чаще всего бывает атеистическим, он не обязательно таков по своей сути; он может сочетаться с определённым видом деизма. Однако, вот неизбежные последствия этой доктрины:

Мысли, чувства, поступки человека рассматриваются как явления, подчинённые — как движение звёзд или образование кристаллов — законам движения материи. В таком мире нет места свободе и ответственности. Свобода — иллюзия, ответственность — наивное представление, не выдерживающее серьёзного размышления. Убедите человека, что всякая свобода действия, которую он себе приписывает, — обман, что он не способен выбирать между различными влечениями, которые его увлекают — что произойдёт? Если он не примет разрыв между жизнью и знанием, разрыв, который сам по себе свидетельствует об отсутствии философского духа, — вы истощите в нём источник усилия, пропорционально логичности его ума. Так подрывается основа морали.

Другое следствие этой доктрины: то, что мы называем душой или духом, не имеет самостоятельной реальности, не является существом, — это мимолётное проявление универсальных законов движения, действующих в совокупности, называемой человеческим телом. Это простой продукт организма. С уничтожением организма исчезают и все психические явления: распад тела есть уничтожение духа. Мысль о жизни после смерти — одна из суеверных иллюзий, безвозвратно осуждённых наукой. Так разрушается основание всех религиозных надежд человечества.

Что остаётся человеку, если для него нет ни свободы, ни ответственности, ни будущего за пределами земного существования? Он будет уступать без сопротивления влечению к сиюминутным наслаждениям. Эти удовольствия будут разными в зависимости от характера личности: некоторые найдут удовольствие в размышлении, в искусстве, в личной привязанности. Непоследовательные материалисты, они будут вести жизнь, которая станет опровержением их собственной доктрины. Но наиболее распространёнными являются удовольствия чувств. Для большинства научный материализм приведёт к житейскому материализму. Последний заставит одних отдаваться страстям, как советовал Аристипп;

других — упорядочить своё существование в соответствии с расчётливой мудростью Эпикура. В обоих случаях источники нравственной жизни будут отравлены.

Таковы последствия материализма. Некоторые его сторонники признают их открыто и освобождают человека от всяких забот о нравственности, представляя его бессознательным винтиком в машине Вселенной. Другие сохраняют в своих словах некоторые элементы свободы, ценой самых странных противоречий. Так, например, доктор Бюхнер утверждает, что свободная воля играет второстепенную роль в человеческих поступках, что её надо признать лишь в самых узких пределах, и в то же время говорит, что поступки, воля, мысли и чувства человека неизбежно подчинены неизменным законам, управляющим вселенной. Противоречие налицо. Утверждать, что величина мала, и заключать из этого, что она равна нулю, — явный псевдологический приём. Очевидно также, что всеобщая фатальность — единственный логический вывод из доктрины этого автора.

Материализм — следовательно, пагубная ошибка. Он проникает в нашу страну, но выступает здесь в облике чуждого импорта: он противоречит нашим лучшим национальным традициям. Именно об этом, дорогие студенты-швейцарцы, я хотел бы сказать вам несколько соображений, важность которых требует точности, чтобы избежать недоразумений. «XVIII век — наше золотое столетие», — говорит наш национальный историк Александр Даге. — «Со всех уголков швейцарской земли, словно по волшебству, стали появляться люди гениальные или исключительно одарённые. Наука, литература, искусство — все области духовной жизни были блестяще возделываемы выдающимися умами».

Ни один из писателей, учёных, философов Швейцарии той эпохи не проявил ни малейшего уклона к материализму. Наоборот, наиболее выдающиеся из них с редкостной энергией противостояли этой доктрине. Я приведу лишь самые выразительные примеры — учёных, посвятивших себя изучению физических и естественных наук, тех самых, в которых материалисты во все времена надеялись найти аргументы в свою пользу. Двое из них прежде всего встают перед нами, как звёзды первой величины на небосклоне человеческой мысли, по признанию всех компетентных судей: Леонард Эйлер из Базеля и Альбрехт фон Галлер из Берна.

Эйлер (1707–1783) пользовался столь широкой известностью, что был приглашён в Санкт-Петербург императрицей Екатериной и в Берлин — Фридрихом II. После пребывания в Берлине он вернулся в Санкт-Петербург, где его внезапно настигла смерть: он умер, одновременно прекратив жить и производить расчёты. Кондорсе пишет о его кончине следующее: «Таков был конец одного из величайших и самых выдающихся людей, которых когда-либо порождала природа; его гений сочетал способность к величайшим усилиям и к неустанному труду, он создавал больше, чем можно было бы ожидать от человеческих сил, и, тем не менее, оставался оригинален в каждом своём труде. Все ныне знаменитые математики — его ученики: каждый из них сформировался благодаря его книгам, заимствовал у него формулы и методы, и в собственных открытиях следовал за гением Эйлера».

Кондорсе выделяет в первую очередь математика в Эйлере, но почётное место ему принадлежит и в истории физики. Он защищал теорию волновой природы света в то время, когда она, основанная на учении Декарта, была почти повсеместно оставлена. Когда Френель вновь утвердил эту теорию, сыгравшую важную роль в становлении современной физики, он не забыл сослаться на Эйлера как на своего предшественника.

Галлер (1708–1777) — не менее выдающаяся личность, чем Эйлер. Его энциклопедический ум напоминает нам Аристотеля и Лейбница. Врач, филолог, поэт, учёный, натуралист — он

развивал свою многогранную мысль, опираясь на подлинно феноменальную память. Его слава была велика. Ему предлагали кафедры в Оксфорде, Лейдене, Берлине. Мария-Терезия велела своему сыну, путешествовавшему по Швейцарии, обязательно встретиться с Галлером. Из всех приглашений он принял лишь одно: некоторое время преподавал в Гёттингене, но затем сенат Берна, не желая дольше лишаться самого знаменитого сына республики, издал декрет, предписывавший Галлеру вечно служить отечеству. Этот указ, разумеется, сопровождался созданием соответствующей кафедры. Когда Галлер умер, похвалы и поэмы в его честь были опубликованы в Германии, Франции, Италии — и выражали искреннюю скорбь учёного и литературного мира разных стран.

В научной области Галлер оставил обширное и важное наследие: более двухсот трудов. Его главный вклад — «Физиология» (8 томов), в которой он, отличая свойства живых тканей от свойств неорганической материи, утвердил свою знаменитую теорию мышечной возбудимости. Натуралист Рудольфи говорил об этом труде в 1821 году: «Если спросить физиологов, какой труд они ставят на первое место в своей области, они, естественно, назовут свой собственный. Но если спросить, какой труд займёт второе место, все единогласно назовут Физиологию Галлера. Это доказывает, что она заслуживает первого места. Это труд бесценный во все времена».

Эйлер и Галлер — два самых прославленных швейцарских учёных XVIII века. Оба прямо выступали в защиту христианской веры во времена торжества Вольтера и энциклопедистов. Но здесь я хочу затронуть лишь философскую сторону их учения — их оппозицию материализму. Галлер, защищая откровение от нападок Вольтера, одновременно полемизировал с Ламетри. Достаточно пробежать опубликованные страницы его личного дневника, чтобы убедиться в постоянной устремлённости его духа к невидимому миру. Изучение человеческого тела, в тайны которого он стремился проникнуть, никогда не поколебало его твёрдую веру в существование духа.

Эйлер непосредственно рассматривал философские вопросы. Он с твёрдостью различал телесные явления и факты духовного порядка. Он защищал свободу воли с глубиной и изяществом аргументации, сохраняющими ценность и поныне, и резюмировал свою мысль словами: «Свобода принадлежит духу так же естественно, как протяжённость — телу». Поэтому он считал материализм не только ошибочной, но и глубоко вредной доктриной.

В конце XVIII века в Женеве жил учёный, моложе Эйлера и Галлера, но всё же их современник: Гораций-Бенедикт де Соссюр (1740–1799), знаменитый своим восхождением на Монблан и дерзким пребыванием среди вечных снегов перевала Кол-дю-Жан. Его стиль высоко ценят те литераторы, кто сохранил вкус к простому и естественному выражению. Для учёных он — главный основатель по-настоящему экспериментальной геологии, а также изобретатель точных приборов, полезных для наблюдений и экспериментов. В Шамони ему поставлен памятник как альпинисту, но геолог и физик также сохранят за ним почётное место в летописи науки.

Философские взгляды де Соссюра проявляются слабо в его путевых заметках, хотя иногда всё же в них проглядывают. Но их можно установить с уверенностью по его двадцатичетырёхлетней преподавательской деятельности в Академии Женевы. Де Соссюр был племянником Шарля Бонне (1720–1793) — проницательного наблюдателя природы, ставшего философом вследствие своей слепоты. Известно, что Шарль Бонне, с большим вниманием изучавший связь между душой и телом, с энергией отстаивал права истинной психологии и исповедовал позитивный спиритуализм, основанный на прочных религиозных убеждениях. Де Соссюру, назначенному преподавателем философии, были близки идеи Бонне, и в то же время на него сильно повлияла восторженная привязанность к Галлеру. По всем существенным вопросам его лекции излагали студентам взгляды его дяди.

Это было время, когда материализм находил своё наиболее полное выражение в Системе природы барона Гольбаха, изданной под псевдонимом Мирабо. Главной заботой де Соссюра была борьба с этой доктриной. В психологии он признавал постоянное присутствие и влияние физиологической организации, но в то же время настаивал на действии свободы, отвергал фатализм мотивов, указывая, что мотивы укрепляются свободным актом внимания. В общей физике он подвергал глубокому анализу теории, касающиеся природы движения, и, развивая мысль Лейбница, утверждал, что законы движения не могут рассматриваться как необходимые, и что их изучение, выявляя их контингентный (необходимостью не обусловленный) характер, ведёт к признанию того, что: «эти законы были установлены Божественным Творцом природы, потому что они были уместными, то есть соответствующими той цели, для которой Он предназначил вселенную при её создании».

Он, наконец, поднимал мысли своих студентов от созерцания природы — к созерцанию Творца, говоря: «Нет никого, кто, внимая устройству вселенной, не восхищался бы мудростью царящего в ней порядка и в то же время не задавался бы вопросом — какова причина этого порядка, и какова причина самого моего существования? Достаточно немного задуматься, чтобы задать себе эти вопросы: Почему я существую? Откуда я пришёл? Куда я иду? — вопросы, которые не найдут ответа, пока не признаешь существование высшей причины, находящейся вне всего остального».

Созерцание природы возвышает мысль; то, что может её унизить — это исключительное изучение человеческого тела. Сосредоточение внимания лишь на органах может привести к отрицанию реальности явлений, которые ускользают от микроскопа и не поддаются анатомическому вскрытию. Поэтому медицинские исследования часто склоняют ум в сторону материализма, если психология не уравновешивает их в сознании студентов. И в этом отношении Швейцария XVIII века представляет собой замечательное исключение. Наша страна дала в ту эпоху двух врачей европейской известности: Троншена в Женеве и Тиссо в Лозанне.

Троншен (1709–1781) был учеником Бургава в Лейдене, и проявил себя там настолько выдающимся образом, что принц Оранский пожелал оставить его при себе. Троншен отказался от этого блестящего предложения и вернулся в Женеву. В значительной степени ради его врачебной помощи Вольтер поселился в Ферне. Троншен отклонил и приглашение императрицы Екатерины, которая хотела заманить его в Россию, но согласился отправиться в Париж по приглашению герцога Орлеанского. Там он обрёл первоклассную медицинскую репутацию.

Тиссо (1728–1797) имел, возможно, менее яркую славу во Франции, чем Троншен, но зато его известность, пожалуй, шире распространилась по миру. Его труд «Совет народу о здоровье» имел огромный успех — пятнадцать изданий, переводы на семнадцать языков, включая арабский. Его консультировал Бонапарт, а королева Швеции принимала назначения от своего врача лишь тогда, когда тот мог подтвердить, что они соответствуют предписаниям Тиссо. Он получил приглашения от короля Польши, короля Ганновера, королевы Неаполя и сената Венеции, но ни на одно не согласился. Он принял лишь кафедру в Павийском университете, где преподавал два года. Его отъезд вызвал столь живые сожаления, что их выразили в сорока поэтических произведениях на итальянском, французском, английском, греческом и латинском языках. Из Павии он вернулся в Лозанну, где и завершил свою карьеру. Его смерть стала национальным трауром.

Эти два великих врача, несмотря на воздействие своего века, остались твёрдо приверженными христианскому спиритуализму, который в то время не был в моде. Троншен

придерживался таких принципов, которые М. Сайус суммировал так: «Всегда имей перед глазами Небо, а совесть — в качестве закона».

Будучи врачом Вольтера, он имел возможность оценить, чего стоил бледный деизм его знаменитого пациента — деизм, представлявший собой не более чем проявление здравого смысла, ведущего неравную борьбу с развращённостью сердца и ума. 20 июня 1778 года он писал Шарлю Бонне: «если бы мне недоставало ещё одного подтверждения моих убеждений, мой добрый друг, то человек, которого я видел чахнущим, умирающим в мучениях прямо передо мной, стал бы таким доказательством — узлом, разрубающим всякие сомнения. Когда я сравнил смерть добродетельного человека — тихую, как закат прекрасного дня, — со смертью Вольтера, в которой бушевала буря и страх, я ясно понял разницу: между светлым вечером и грозовой ночью, между внутренним миром мудреца, спокойно покидающего жизнь, и ужасной агонией того, для кого смерть — это воплощение всех ужасов. Слава Богу, мне не нужно было это страшное зрелище для утверждения в вере, и всё же — forte olim meminisse juvabit — может быть, когда-нибудь и это воспоминание принесёт утешение».

Что касается Тиссо, вот как он говорит в начале своего сочинения «О болезни людей письма»: «Изумительный механизм здорового человека и, быть может, ещё более удивительное исцеление больного дают неопровержимые доказательства существования и бесконечной мудрости Творца. Если бы человечество забыло о Божестве, медики напомнили бы ему о возвышенных понятиях, которые их наука даёт им о Бессмертном Существе». Вслед за этой надеждой, которая, увы, не всегда оправдывается, Тиссо перечисляет великих врачей, проявивших религиозную веру — от Гиппократа и Галена до великого Бургава (своего учителя) и Галлера (своего современника).

Я только что просмотрел имена учёных, которые в Швейцарии XVIII века приобрели наибольшую славу в области физических и естественных наук. Их религиозные взгляды и философские доктрины отличаются разнообразием, которое могло бы стать предметом интересных исследований, но такие исследования выходили бы за рамки моей работы. Что же остаётся несомненным, и на чём я хочу привлечь ваше внимание, — это то, что все они исповедовали позитивный спиритуализм, который не был поколеблен их изучением естественных наук. Все они сочетали высокий уровень научной культуры с убеждениями, лежащими в основе моральной жизни. Все они почитали Создателя — бесконечно мудрого и всемогущего — чьи творения они изучали; все они верили в реальность духа, в его будущее за пределами настоящей жизни и в вечную справедливость.

Другие учёные, менее известные, чем те, кого я привёл в качестве примеров, также принимали и исповедовали те же доктрины. Материализм XVIII века имел оппонентов во всех частях Европы, но, повторяю, особенность Швейцарии в то время — это единство сопротивления доктрине, которая в других местах имела сторонников. Сегодня такого единства среди учёных разного происхождения, представляющих научную культуру на территории нашей родины, уже нет. Является ли это результатом современных открытий? Наука сделала за последнее столетие значительные успехи — несёт ли она в себе материализм как неизбежное следствие? Это утверждается; но это утверждение, которое в целом неверно, тем более неверно в отношении Швейцарии. Союз спиритуализма и экспериментальной науки здесь представлен и до наших дней, и эти представители пользуются самым высоким уважением в научном сообществе. Осведомлённые обо всех достижениях науки и внесшие свой вклад в её прогресс, они не нашли в своих исследованиях ничего, что могло бы отвратить их от веры их прославленных предшественников. Они выступали против материализма с такими же решительными отрицаниями, как Эйлер и Галлер, Троншен и Тиссо, Бонне и де Соссюр. Я ограничусь тремя примерами.

Огюст де ла Рив (ок. 1801–1873), как известно, значительно способствовал развитию изучения электричества, играющего всё более важную роль в современной индустрии. Он не пошёл по стопам своего знаменитого коллеги и друга Фарадея, который, будучи ревностным христианином, лишь в редких случаях позволял себе включать выражение своих верований в преподавание экспериментальной физики. В 1860 году де ла Рив завершал одну из своих публичных лекций такими словами: «Если я чему-то научился за долгие годы учёбы, которая была одним из очарований моей жизни, так это тому, что Бог действует непрерывно, что Его рука, создавшая всё, наблюдает за всем во вселенной. И та же Провидение, которая удерживает силы природы в равновесии, которая направляет светила на их орбитах, заботится и о каждом из нас. Ничто не происходит без особой воли Того, Кто хранит нас».

Вот что говорил усердный работник науки, неутомимый физик. Говоря так, он исповедовал веру, подпитываемую не только изучением природных явлений. В других случаях он выражал свои мысли более явно, связывая их с философскими выводами из этих исследований. Представляя научному миру основное из своих трудов, он подчеркнул, что разделяет спиритуалистическую веру, которая в XIX веке принадлежала Амперу и Фарадею, так же как в XVIII веке она принадлежала Эйлеру и Галлеру. Предисловие к его труду завершается мыслью, что общее изучение физических явлений имеет огромное преимущество — оно возвышает душу, приближая её к Верховному Творцу природы, чьё прямое действие всегда остаётся последним словом творения.

Агассис (1807–1878) безусловно, был одним из самых усердных и полезных работников современной науки. Его репутация была велика в Европе во времена, когда он преподавал в Нёйшателе, и была чрезвычайно широка в Соединённых Штатах Америки, где он завершил свою карьеру. Он напрямую выступал против материализма, выдвигая следующий аргумент: «В изучении классификации живых существ натуралист ставит себе цель просто сгруппировать их по удобной для себя системе или же стремится обнаружить план, который существует в реальности? Короче говоря, наши классификации всегда ли чисто искусственны, или мы должны искать естественные классификации, соответствующие реальности вещей и, таким образом, творческой мысли, которой эта реальность является проявлением?»

Развивая эту мысль, Агассис добавляет: «Вопрос о природе и основании наших научных классификаций имеет для меня исключительное значение — намного более важное, чем обычно ему придают. Если однажды будет доказано, что человек не выдумал, а лишь воспроизвёл этот систематический порядок природы, что эти связи, эти пропорции, существующие во всех частях органического мира, имеют свой интеллектуальный и идеальный корень в разуме Создателя, что этот план творения, перед которым меркнет даже наше высшее мудрость, не возник из необходимого действия физических законов, а напротив, был свободно задуман всемогущим разумом и созрел в его мысли прежде, чем был проявлен в материальных формах; если, наконец, будет доказано, что предварительное обдумывание предшествовало акту творения, мы навсегда покончим с унылыми теориями, которые объясняют все чудеса вселенной законами материи и, отвергая Бога, оставляют нас перед монотонным, неизменным действием физических сил, подчиняющих все вещи неизбежной судьбе».

Я констатирую факты, не изучаю доктрины; я лишь указываю, не обсуждая здесь, мнения, высказанные нашими современными учёными. Однако необходимо внести ясность, чтобы правильно понять слова Агассиса. Этот учёный известен тем, что отказался принять теорию трансформизма (эволюции), которая для многих наших современников стала предметом горячей веры. Если думать, что его теория о плане творения связана с его взглядами на происхождение видов, это будет серьёзной ошибкой. Нужно немного подумать, чтобы

понять, что вопрос о плане природы и вопрос о том, как этот план осуществился, — это два совершенно разных вопроса. Выдающийся французский натуралист Альбер Годри является сторонником гипотезы трансформизма. Это не мешает ему с такой же твёрдостью, как и Агассис, утверждать, что изучение природы обнаруживает план, который мы стремимся открыть, и что этот план — тот, по которому Бог создал существа.

Освальд Хеер (1809–1883) был в наше время одним из главных европейских авторитетов в области палеонтологии, как отмечается в биографическом словаре Губерати. Вот как он заканчивает свою книгу о первобытном мире Швейцарии, протестуя против атеистического материализма: «Как бы велико ни было здание творения, его можно оценить во всей его величественности лишь разумом, способным его постигнуть. Пример это прояснит. Возьмём симфонию Бетховена: музыкальный художник понимает её смысл, для него каждая нота значима, и из сочетания этих разных нот рождается несравненная гармония. Такова и природа. Феномены поодиночке не показывают своего истинного смысла, подобно отдельным нотам, пока мы не научимся их объединять и ценить в целом. Только благодаря сближению разрозненных фактов мы формируем представление о величии творения.

Благодаря этому сближению наша душа видит гармонию природы, гармонию, которая, как и её сестра в мире звуков, возвышает нас над физическим миром и даёт предчувствие божественного разума, который управляет всем сущим, как он управлял всем, что было раньше. Каждый, наверное, посчитал бы идиотом того, кто утверждал бы, что ноты симфонии Бетховена — просто случайные точки на бумаге. Но мне кажется, не менее глупы те, кто видит лишь игру случая в куда более удивительной гармонии творения. Чем дальше мы продвигаемся в познании природы, тем глубже убеждаемся, что вера во всемогущего Создателя и в божественную мудрость, создавшую небо и землю по вечному и предначертанному плану, — единственное, что может объяснить загадки природы и человеческой жизни».

Современная Швейцария не имеет имён более прославленных в области физических наук, чем де ла Рив, и в области естественных наук, чем Агассис и Хеер. Со времени их смерти наука продвинулась в основном в области применения уже известных истин, а не в открытии новых, но ничто в этих достижениях не способно поколебать духовные убеждения, которым эти учёные были преданы. Они вместе выступали против материалистических тенденций, которые наблюдали в части современного мышления. Если бы материализм действительно был, как утверждают его сторонники, естественным продуктом науки, почему же эти ведущие учёные не заметили этого? Такова, студенты Швейцарии, наша национальная традиция. Материализм, повторяю, пришёл к нам как чуждая доктрина.

Позвольте мне ещё раз уточнить мою мысль, которую легко было бы исказить, сказав, что я хочу превратить науку в вопрос патриотизма. Я стремился сделать нечто полезное в той части света, куда меня поставил Бог, но мои взгляды абсолютно далеки от узкого и слепого патриотизма. Истина — одна, и она предназначена для всех людей одинаково; к ней и должен быть направлен разум, где бы ни жил человек. Позвольте объяснить точный смысл моих слов на примере. Когда человек счастлив принадлежать к почётной семье, его долг быть добродетельным не вытекает из того, что его родители были добродетельны — долг одинаков для всех, он един для всех, как и истина. Но тот, кто знает, что добродетель — высшее благо, может радоваться тому, что у него есть образец в предках, и искать в памяти о семье опору и поддержку в жизненных испытаниях.

Именно поэтому я напомнил вам о ваших предках в области науки. Но, повторюсь ещё раз, поиск истины, который есть долг мысли, превыше всех иных соображений. В ответ на утверждение, что наука порождает материализм, вам предстоит изучить сам вопрос

непосредственно — так же, как студенты во всех странах мира. Страницы, которые я посвящаю вам, призваны помочь в этом изучении.

Доктор Бюхнер на последней странице своей книги «Сила и материя» просит разрешить ему абстрагироваться от всех моральных вопросов, чтобы рассматривать дело исключительно с точки зрения истины. Такое разрешение он может получить только от умов, совершенно чуждых истинной философской культуре. Отложить мораль в сторону — значит признать её существование. Её существование — это факт, который серьёзное исследование истины должно учитывать, и мне не кажется, что мораль может считаться незначительной величиной. «Страх перед последствиями никогда не должен влиять на научные выводы». Это верно, когда речь идёт о последствиях, касающихся личных интересов, то есть вне научной области, но если речь идёт о последствиях, вытекающих из общих выводов науки? Ограничиться изучением лишь одного порядка фактов, не учитывая последствия, относящиеся к фактам другого порядка — значит встать за стеной, которая закрывает половину горизонта.

Эти соображения, безусловно, основательны и не позволяют допустить в поисках истины ту абстракцию от морали, которую требует доктор Бюхнер и его единомышленники. Тем не менее, несомненно, что учёные материалистического направления создали в большом числе умов предубеждение против изучения моральных последствий доктрин. В присутствии этого предубеждения, которое я констатирую, не придавая ему никакой ценности, я воздержался в работе, которую рекомендую вашему вниманию, от обсуждения вопросов морального порядка. Я строго ограничился прямым исследованием физиологических и психологических явлений — это изучение основ материализма без всяких упоминаний о его последствиях.

Мне не удалось провести очень глубокое изучение тех наук, на которые современный материализм опирается в первую очередь. Чтобы компенсировать мою относительную некомпетентность, я передал рукопись доктору медицины, успешно занимающемуся психологическими науками в их связи с физиологией. Он любезно согласился её проверить, и я выражаю господину Теодору Флурно свою благодарность за замечания, которые помогли мне исправить некоторые пункты первоначального текста. (Подробно в Приложении)

Утверждая, что наука порождает материализм, противопоставляют науку сердцу и совести, создают конфликт между разумом и другими функциями человеческого духа. Многие страдают от этого конфликта; они заблуждаются. Нет, нет, друзья мои, этот конфликт не возникает из истинной, серьёзной и полной науки. Если хотите услышать подтверждение этого от натуралиста, обратитесь к словам господина Эбера, профессора геологии факультета наук Парижа: «Наука не может привести к материализму. Если в нашем обществе существуют материалистические тенденции, то они основаны на иллюзиях; они могут возникнуть лишь в умах, полностью погружённых в узкоспециализированные исследования и забывающих остальной мир». Этот остальной мир, который материалист забывает, — это, прежде всего, он сам, его разум, его сердце, его совесть, все благородные устремления духа.

Наука, которая порождает материализм, — это птица, не способная взлететь в небо, потому что у неё отрезаны крылья. Я буду считать себя счастливым, молодые соотечественники, если мои скромные усилия смогут помочь бороться с влияниями, которые стремятся отрезать крылья вашей мысли.

† † †

15 ноября 1843 года один из старейших европейских философов, господин Франк, подписывал предисловие к Трактату по философским наукам, которым он был усердным руководителем; в нём можно было прочитать: «Какое представление сегодня материалистическая позиция даёт нашим глазам? Покинутая безвозвратно общественным сознанием, которое теперь может довольствоваться лишь серьёзными и глубокими идеями, она уже не смеет даже открыто признать своё имя и говорить на собственном языке».

Уверенность, выраженная в этих словах, не должна была быть долгой. В 1854 году, в начале своих Моральных исследований настоящего времени, господин Каро писал: «Старый материализм отступает и, плохо скрытый под новыми именами, он замышляет новое восстание». Сегодня материализм больше не прячется, он открыто заявляет о себе, говорит на своём языке и выставляет себя перед общественностью без вуалей и прикрас.

Каковы причины этого возрождения древней доктрины? В Германии одной из причин кажется реакция, последовавшая за мимолётным успехом философии Гегеля. Писатели, позволяющие себе шутки, теперь смеются и свистят на обломках этого грандиозного и хрупкого строения. Аналогичная реакция произошла во Франции против философии, слишком литературной и слишком забывающей науки о природе. Как бы там ни было, легко заметить, что за последние несколько лет материализм получил новую жизнь в различных странах Европы. Чтобы оценить эту доктрину, важно определить её основные характеристики, а для этого нужно уточнить значение слова «материя».

Кант писал: «Материя — это то, что движется в пространстве». Это определение достаточно, если развить его содержание. Движение состоит в последовательной занятости различных частей пространства. Эта занятость пространства происходит от сопротивления материи, и именно на этом сопротивлении ограничивается наше понимание материи. «Нельзя, — говорил Паскаль, — представить движение без чего-то, что движется». Господин Вюрц выразил ту же мысль: «Как представить движение без движущегося?».

Современный учёный пытался утверждать движение без того, что движется, но это один из тех парадоксов, которые не могут стать предметом серьёзного обсуждения. Феноменалисты могут прилагать усилия сколько угодно, но им не удастся изменить фундаментальную структуру мысли, которая не может допустить атрибуты без субъектов, модусы без субстанций. Движущимся является сопротивляющийся, и именно перемещение сопротивления составляет движение. Сопротивление материи абсолютное, как считают сторонники непроницаемых атомов? Или оно только относительное, и предположительно бесконечное сжатие могло бы свести атом к точечному центру силы, не занимая никакого объёма?

Этот вопрос и все другие, касающиеся строения тел, интересны для общей физики, но не имеют отношения к предмету моего исследования. Наука о материи, рассматриваемая объективно, то есть изучение телесных явлений отдельно от их связи с существами, способными чувствовать, сводится к изучению движения и его законов, то есть к механике. То, что составляет материализм, независимо от представления о материи, — это утверждение, что объяснение вселенной — это механическая задача. Это то, что писал барон д'Ольбах в XVIII веке, и то, что говорил господин Жярд в 1888 году на открытии курса, организованного у факультета наук Парижа по решению муниципального совета.

Барон д'Ольбах писал: «Вселенная, это огромное собрание всего существующего, повсюду представляет нам только материю и движение». Господин Жярд говорил своим слушателям: «Идея науки тесно связана с представлением о механизме и детерминизме», и указывал

последствия этой концепции следующими словами: «Распространяя плодотворные идеи трансформизма и чисто механистическую концепцию природы в умах будущих воспитателей молодёжи, мы наиболее надёжно и прочно готовим сильное поколение, избавленное от суеверий прошлого». То, что нужно искоренить под именем суеверий прошлого, — это всякая вера в реальности, кроме тех, которые доступны чувственному восприятию. Как говорил барон д'Ольбах, во вселенной существует только материя в движении. А мысль? Мысль — это движение, говорят и вынуждены говорить последователи доктрины. Таков материализм.

Профессор Геккель из Йены признаёт, что это и есть его теория, но он использует термин «монизм», чтобы отличить эту научную доктрину от практического материализма, то есть от исключительного поиска чувственных удовольствий. Это различие, безусловно, оправдано; но нельзя допускать присвоение термина «монизм» какой-то одной доктриной. Поиск единства — это фундаментальный инстинкт разума, генеративный принцип высших философских построений. Вся философия — это попытка монизма, и наоборот, всякая попытка монизма — это философия.

Главная проблема философии может быть поставлена так: найти определение начала вселенной, которое позволило бы примирить единство, к которому стремится разум, с множественностью, данной опытом. Искать единство — источник великих открытий разума; искать его слишком быстро и слишком низко — причина основных заблуждений мысли. После этой небольшой отступительной ремарки относительно использования слова я возвращаюсь непосредственно к предмету своего исследования.

Материализм встречается во все эпохи истории, но вот что характеризует современную эпоху. Утверждается, что эта доктрина является естественным продуктом современных научных достижений, и широко используется аргумент авторитета в её пользу. Люди, которые всё ещё верят в отдельную реальность духа, называются отсталыми умами, застрявшими в сетях психологии, которая уже исчерпала себя, и метафизики, от которой настоящие учёные уже отказались. Следующие цитаты подтверждают оба этих утверждения, второе из которых является следствием первого.

В книге, которая имела множество немецких изданий и была переведена почти на все языки Европы, дважды на французский, г-н Бюхнер, подписавшись под насмешливым презрением к философии школы Ницше, писал: «Эта философия с каждым днём теряет уважение публики и сдаёт позиции из-за прогресса эмпирических наук. Эти науки всё яснее доказывают нам, что существование макрокосма и микрокосма во всех фазах рождения, жизни и смерти подчиняется только механическим законам, присущим самим вещам».

К этой теоретической тезе автор добавляет аргумент авторитета в утверждении, которое будет очевидно ложным для тех, кто знаком с философскими и религиозными учениями крупнейших учёных Германии, Франции, Англии, Италии и США. Он пишет: «Сегодня наши самые усердные работники в науках, наши самые неутомимые физики исповедуют материалистические идеи». Г-н Геккель сообщает, что его монизм — единственная истина, и что наука — это лишь та, что ограничивается признанием механической эволюции материи. Г-н Карл Фогт в первом издании своих «Физиологических писем» писал: «Каждый наблюдатель, я думаю, придёт по логической цепочке рассуждений к мнению, что все свойства, которые мы называем деятельностью души, — это лишь функции мозгового вещества; говоря грубо, мысль — примерно то же для мозга, что желчь для печени и моча для почек».

Когда этому автору возразили, что многие серьёзные натуралисты имеют прямо противоположное мнение, он ответил: «Я сказал, что каждый учёный приходит к выводам, о

которых говорил, логически; но я никогда не утверждал, что нет учёных, неспособных к логическому последовательному рассуждению, и не утверждал, что среди учёных нет людей, лишённых здравого смысла и ума». Парижское издательство Reinwald выпускает «Библиотеку современных наук», предназначенную для ознакомления широкой публики с достижениями современной науки. Вот каковы, по мнению её редакторов, некоторые из этих достижений: «Интеллектуальные явления — продукт деятельности мозга и относятся к категории физиологических явлений, как и любая другая органическая функция». «Умственная работа просто результат специальных свойств нервных тканей. Явления сознания во всём животном царстве, включая человека, — функции и акты нервной клетки. В этом уже нет сомнений».

В этой библиотеке есть том по философии, написанный г-ном Андре Лефевром. Автор знает со всей достоверностью и учит, что мысль — это лишь движение. Он утверждает, что теперь нет среднего пути между двумя доктринами: «МАТЕРИАЛИЗМ с одной стороны и ДУХОВНОСТЬ с другой — вот два полюса мысли. Первый приобрёл всю ту привлекательную силу, которую второй утратил. Наука и философия, после долгого разрыва, вновь соединились в мощном и общем подъёме».

Но разве нет учёных и философов, которые далеко не принимают материализм? Вопрос естественный, вот ответ: «Ни один учёный ум сегодня не игнорирует истинный путь. Однако, поскольку другой путь всё ещё сохраняет официальный характер, на его ветвях висят кресты и ленты, вдоль него расположены посты, титулы, жилища и национальные похороны — все приманки безопасности и почётности — многие освобождённые сознания, одержимые амбициозными сомнениями, ложной стыдливостью и удобными стыдливостями, ищут обходные пути и находят их, чтобы отвернуться от истины, которую они стыдятся».

Приведённые цитаты взяты не из малоизвестных книг неизвестных авторов, а из произведений людей, которые хотя бы частично пользуются авторитетом и занимают важные позиции в науке и образовании. Вот что утверждает шумная школа: материализм — это истина. Те, кто утверждают реальность отдельного духа — невежественные, а если не невежды, то глупцы. Если это учёные со здравым смыслом — они лицемеры. Было бы легко собрать эти невежливые слова и вернуть их авторам, но я воздержусь от этого. Я допускаю, что есть учёные-материалисты, искренние и здравомыслящие; я лишь утверждаю, что они плохо рассуждают, и собираюсь это доказать.

Производит ли наука материализм? О какой науке идёт речь? Может быть, именно физика и астрономия приводят к законному отрицанию духа? Г-н Жярд говорит, что научная область заканчивается там, где начинают говорить о «директивном принципе» для объяснения природных явлений. Порядок явлений, который учёный пытается обнаружить, безусловно, имеет объективную реальность, и этот порядок — проявление директивного принципа.

«Если бы мир не был устроен по разуму, он был бы непостижим. Вы забываете разум в ваших объяснениях природы, — говорил Анаксагор ионийским трансформистам. — Пифагор через число выразил идею разума, проявленного в природе». Современная физика, основанная на математике, спустя 25 веков принесла экспериментальное подтверждение этой смелой концепции. Если бы природа не была устроена по разуму, наука о природе не существовала бы. Это факт, который неоспорим, и его наиболее естественное объяснение — существование высшего разума, секреты которого стремится постичь человеческий ум. Невозможно понять, как изучение физических явлений, которые показывают порядок и изумительную гармонию, могло бы законно привести к отрицанию высшего разума.

Поэтому современный материализм не ищет своей опоры в науках такого рода. Он полагается на антропологические исследования. Сегодня именно физиологи и натуралисты

обновляют философские тезисы Демокрита и Эпикура. Их утверждения можно свести к следующему: Наука (прежде всего физиология) не позволяет допустить отдельную реальность человеческого духа. Так называемые психические явления — лишь одна из форм проявления материальных явлений. Именно эту тезу предстоит рассмотреть.

Каковы истинные результаты антропологических исследований? Человек проявляет две совершенно различные категории явлений. Одни фиксируются объективно органами чувств. Если абстрагироваться от любого психического элемента, тело отдельного индивида предстает в исследовании как тело другого человека или животного. Феномены второй категории фиксируются субъективно, и лишь после этого индивид может приписать их другим людям, посредством индукции или аналогии. Именно это ясно признает г-н Герцен: «Физиологи могут веками объективно изучать нервы и мозг, но они никогда не смогут понять, что такое ощущение, мысль или воля, если сами не испытывают субъективно эти состояния сознания».

Итак, существует две категории явлений, которые абсолютно различаются по способу их познания: с одной стороны — данные внешнего восприятия, с другой — то, что субъект (я) приписывает себе как испытывающее или производящее; с одной стороны — физиологические явления, с другой — психические. Разграничение физиологических и психических фактов, а также отсутствие всякой возможности перехода мысли от одной категории к другой — это настолько важная истина, что стоит отметить, что её подтверждают авторитетные писатели и учёные.

Г-н Тэн (Taine): «Любое движение — вращательное, волновое или иное — никак не похоже на ощущение горечи, жёлтого цвета, холода или боли. Мы не можем превратить одно понятие в другое. Анализ, вместо того чтобы уменьшать разрыв между ними, кажется, расширяет его до бесконечности».

Г-н Тиндалл (Tyndall): «Переход от физической активности мозга к соответствующим фактам сознания необъясним. Пропасть, разделяющая эти две категории явлений, всегда будет непреодолимой для разума».

Г-н Дюбуа-Реймонд (Du Bois-Reymond), отметив абсолютное различие материальных и психических явлений, говорит, что для признания этого различия не нужно думать о высших проявлениях человеческого духа — достаточно изучения самой элементарной сенсации: «Когда в начале животной жизни на Земле самое простое существо впервые испытало чувство удовольствия или неудовольствия, открылась та непреодолимая пропасть, о которой я говорю».

Легко понять природу этой пропасти, используя выражение, которое пришло в голову г-нам Тиндаллу и Дюбуа-Реймонд: ничего лучше не объяснит эту тему, чем внимательное изучение известной фразы Кабани: «Мозг переваривает впечатления и органически производит выделение мысли».

Достаточно остановиться на слове «выделение» мысли. Что происходит при выделении? Клетки в своём нутре, используя вещества из крови и через ещё малоизученные физико-химические процессы, создают материальные продукты особой природы. В этом мире всё предстает объективно для чувствительного наблюдения или воображения. Речь идёт о движениях материи — о массах, направлениях, скоростях. Но если речь о мысли? Это явление совершенно другого порядка. Всякое объективное представление, заимствованное из чувственного наблюдения, отсутствует. Как справедливо заметил г-н Тиндалл, можно всегда представить себе физическое явление, превращение движения, «но нельзя представить переход физического состояния мозга к соответствующим фактам ощущения».

Г-н Герберт Спенсер неверно понял эту истину, когда писал: «Виды движения, которые мы называем движением, теплом, светом, химической аффинностью и т.д., преобразуемы друг в друга, и в этих видах непознаваемого, которые мы обозначаем словами эмоция, ощущение, мысль…» Этот автор абсолютно приравнивает с точки зрения познаваемости превращение физических движений друг в друга и превращение физических явлений в психические. В связи с этим г-н Ляар сделал очень важное замечание: «Неверно говорить, что движение становится теплом, а тепло — движением. Строго говоря, нужно говорить, что поступательное движение становится колебательным, а колебательное — поступательным. Теория единства физических сил подразумевает, что они все — бесконечные вариации одного единственного явления».

Явление движения сохраняется во всех своих преобразованиях, и говорить о превращении движения в ощущения и мысли — значит произносить слова, не имеющие смысла для внимательного ума. Итак, физиологические и психические явления абсолютно различаются по сущности способа их познания. Но можно ли легитимно сделать вывод о объективном различии из субъективной разницы в способе познания? Можно ли привести аргумент, кроме того, что основан на способе восприятия? Можно. Если принять современные физические теории, можно сформулировать аргумент, пропорциональный значимости этих теорий.

Гипотеза сохранения энергии, восходящая к мысли Декарта и исправленная и дополненная его последователями, стала одной из основных основ современной науки. В преобразовании движения энергия — то есть реализованная или потенциальная сила — сохраняется в постоянном количестве, такова теза. Из этого следует, что то, что организм производит или способен производить, равно тому, что он получает. Движения растений, животных и человека представляют собой количество силы, которое поступает из их питания — при широком понимании этого термина, включающем действие тепла и света, а не только пищу.

Должна быть эквивалентность между количеством полученной энергии и количеством затраченной. Однако психические явления не имеют механического эквивалента. Значит, они отличаются сами по себе, независимо от способа их познания, от физиологических явлений. Таким образом, доктрина сохранения энергии должна привести тех, кто её принимает, к признанию объективного различия двух классов явлений, представленных человеческой природой. Этот вопрос серьёзен и требует внимательного изучения.

Во вторник, 7 декабря 1886 года, профессор Готье на своей первой лекции по биологической химии говорил: «Ощущение, мысль, умственная работа не имеют механического эквивалента, то есть они не расходуют энергию». Это утверждение имело большое значение, поскольку его произнёс профессор Медицинского факультета Парижа; оно не могло остаться незамеченным и вызвало горячие споры. Рише ответил: «Конечно, мы ещё очень далеки от того, чтобы точно определить эквивалент умственной работы и химического действия, но на основании множества наблюдений можно обоснованно допустить ту гипотезу, к которой сходятся все известные на сегодняшний день истины».

Какие же это наблюдения? Вот они: «Всё, что было сделано в области изучения химических превращений или тепловых явлений, вызванных психическими причинами, свидетельствует в пользу того, что мыслительная деятельность, то есть акт мышления, соответствует определённой химической активности». Прекрасно. Факт согласованности или сопутствия двух порядков явлений — достоверен.

Но согласованность может иметь место между явлениями различной природы, в то время как эквивалентность возможна только между явлениями одной и той же природы, к которым

можно применить общую меру. Где же общая мера для психических явлений и движений материи? Всякая эквивалентность выражается уравнением. Какими элементами располагает наука, чтобы установить уравнения, относящиеся к движениям материи? Их всего четыре:

- объём тел (то есть часть пространства, которую они занимают),
- масса (определяемая по количеству сопротивления),
- направление движения
- и скорость.

Будь то поступательные, вращательные, волновые движения — или материя будет считаться состоящей из непроницаемых или бесконечно сжимаемых элементов — это не имеет значения: в уравнения можно включить только геометрические идеи (объём и направление) и арифметические идеи (масса и скорость).

А теперь — психическое явление по своей природе ускользает от всякого выражения, позволяющего установить его эквивалентность с движением. Возьмём самый простой случай — ощущение. Для физиологии — это молекулярное движение в определённых элементах нервной системы. Это условие ощущения, а не само ощущение, в психическом смысле. Современные физиологи проводили интересные исследования в том, что называется измерением психических актов. Речь идёт о времени, которое проходит между раздражением органов чувств и ответной реакцией — временем, которое варьируется в зависимости от вида впечатлений и характера индивидов.

Двойная физиологическая передача — от внешних чувств к нервному центру и от него к органам — есть движение, скорость которого выражается в терминах времени и пространства. Сам психический факт подчинён только времени — боль или радость можно измерить по часам, но включить в них пространство невозможно. Вот почему уравнения, устанавливающие эквивалентность физиологических и психических фактов, невозможны и всегда останутся невозможными.

Рассмотрим это с другой стороны. В случае чисто рефлекторного движения — то есть мозговой или спинальной реакции на сенсорное возбуждение, абсолютно бессознательной — можно ли применить принцип эквивалентности? Да, без колебаний, если признать закон сохранения энергии. Речь идёт о движении, которое преобразуется в силу свойств нервной клетки, не изменяя количества. Но если рефлекторное движение осознанно, прекращается ли тогда физиологическая эквивалентность? Если нет — то сознание и все психические явления, происходящие в нём, не входят в уравнения, так как являются величинами другого рода, чем движения. Если же допустить превращение физиологических явлений в психические, физиологическая эквивалентность прекращается.

Но так как психический факт невыразим в терминах движения, уравнение становится невозможным, а без уравнения нельзя установить эквивалентность. Переход от физиологических к психическим феноменам не был бы преобразованием, а подлинной трансмутацией, потому что изменялась бы сама природа явлений. Что стало бы с доктриной сохранения энергии, если бы движения материи превращались в явления иного порядка, больше не являющиеся актуальными или потенциальными движениями? Вот почему эта доктрина подчеркивает реальность, отличную от материи — дух, и утверждение Готье оказывается победоносным в споре. Итак, наука устанавливает существенное различие между физиологическими и психическими явлениями.

«Это будет всё яснее по мере прогресса физиологии мозга. Антропологический монизм может существовать только в полумраке. Когда физиологи сумеют выразить в точных

механических формулах движения мозговых клеток, происходящие параллельно с осознанными фактами, никто больше не сможет утверждать, что эти факты сознания — то же самое, что и эти движения». (Адриен Навиль, Revue scientifique, 6 марта 1887, с. 316)
Но если наука устанавливает различие между двумя классами явлений, наблюдаемых в человеке, то она также подтверждает их теснейшее и постоянное соединение. Влияние тела на дух — столь очевидно, что его никогда полностью не отрицали. Всегда было известно, что наркотики угнетают способности, алкоголь возбуждает и нарушает их работу. Опиум усыпляет, избыток вина опьяняет. Нет ни одной функции организма, которая бы не влияла на психические явления:

- хорошее или плохое пищеварение вызывает приятное или неприятное состояние;
- нарушение кровообращения приводит к горячечному бреду;
- состав вдыхаемого воздуха влияет на душевное расположение.

Это — факты повседневного опыта. Люди всегда знали по непосредственному опыту, что голова — орган мышления. Декарт, кажется, забыл, что продолжительная умственная работа утомляет мозг, когда писал, что он знает, что он — мыслящее существо, не зная, есть ли у него тело.

Что добавляет наука к этим данным здравого смысла? Она, прежде всего, утверждает, что воздействие организма на психические состояния не случайно, как считают те, кто говорит о чисто «умственных» феноменах, в которых тело не играет никакой роли — например, о сугубо душевных болезнях. Тело и дух различны, но они никогда не разъединены; их постоянное единство так же достоверно, как и их различие. Наука, особенно наука современная, стремится открыть локализацию в мозге органических условий умственных и нравственных состояний. Изучение патологических случаев, по-видимому, призвано пролить свет на этот вопрос — свет, который в нынешнем состоянии исследований всё ещё весьма неполный и неустойчивый. Однако эти исследования представляют большой интерес. Каков может быть их результат, если они увенчаются полным успехом? Что можно предвидеть, пусть даже не как вероятный, а хотя бы как теоретически возможный результат этих исследований в отдалённой перспективе?

Предположим, что мозг стал прозрачным, и некий физиолог обладает знанием, насколько это возможно, полным. Точно так же, как мы понимаем мысль, выраженную в звуках речи или в буквах письма, этот физиолог увидел бы все психические явления в их органических условиях. Эти органические условия представлялись бы ему причинами в актах восприятия и следствиями в актах воли. Я принимаю эту концепцию как идеал. Допускаю, что наука может в какой-то степени приблизиться к нему. Допускаю даже, что можно будет определить органическое условие самого сознания, если подтвердятся некоторые недавние гипотезы по этому вопросу. Ничего более, чем такое состояние науки, ожидать или предвидеть невозможно.

Наука, следовательно, утверждает тесную связь между физиологическими и психическими явлениями. «Психические акты сами по себе связаны с материальным движением», — таков, по словам г-на Шиффа, результат его опытов. «Фундаментальный факт, на котором покоится вся научная психология, заключается в том, что не существует психической активности без соответствующего молекулярного движения нервных элементов» — такова также и вывод г-на Герцена.

Вот как выразился г-н Дебьер, открывая курс анатомии в медицинском факультете в Лилле: «Психолог, чтобы не сбиться с пути, должен быть в то же время и натуралистом. Даже философ должен проникнуться истиной, что наука об организации, правильно понятая, и изучение материальных условий интеллекта должны считаться одним из самых прочных

оснований психологии». Это совершенно справедливо. Но не менее справедливо и то, что натуралист, приступая к изучению психических явлений, должен быть в то же время и психологом, иначе он постоянно будет рисковать потерять из виду элементы, составляющие человеческий дух, и видеть только органы.

Итак, наука устанавливает как существенное различие, так и неразрывное единство между физиологическими и психическими явлениями. Она утверждает, что дух, по крайней мере, в пределах нашего обычного опыта (я вернусь к этому), никогда не действует изолированно. Картезианский дуализм ошибочен постольку, поскольку он допускает разделение тела и духа; но он остаётся — и останется — вечной истиной постольку, поскольку утверждает различие двух элементов, неразделимо связанных в конкретном существовании человека. Таковы истинные данные науки.

Что же думать об утверждении, будто наука приводит к материализму? Во многих случаях материализм предстаёт как вывод из априорного предположения. Барон Д'Гольбах раскрывает нам секрет своей мысли, утверждая в начале своего труда, что во Вселенной нет ничего, кроме материи и движения. Нужна совсем небольшая логика, чтобы из этого аксиома вывести, что в человеке реально только тело.

Г-н Геккель, приступая к вопросу о происхождении видов, заявляет, что эволюционизм основывается на совокупности биологических явлений; но когда он излагает свою фундаментальную мысль, он представляет эволюционизм как один из элементов общей доктрины, которую он определяет следующим образом: «Теория эволюции в самом широком смысле, как философская концепция Вселенной, утверждает, что в природе существует единый, непрерывный и вечный процесс развития, и что все природные явления без исключения — от движения небесных тел и падения камня до роста растений и сознания человека — происходят в силу одного и того же закона причинности; короче говоря, что всё сводится к механике атомов. Это механистическая, монистическая концепция мира — или, одним словом, монизм».

Следовательно, в человеке реальным является только то, что может быть объяснено механикой атомов. В этих двух случаях — и у барона Д'Гольбаха, и у г-на Геккеля — мы сталкиваемся с явно априорным тезисом. Гораздо интереснее обратиться к тем учёным, которые считают материализм результатом своих экспериментальных исследований и утверждают, что психические явления идентичны материальным. Здесь есть только два возможных варианта утверждения этой идентичности: либо говорить, что материя и её движения — это только мысли нашего духа (довольно безобидный идеализм, у которого всегда будет немного сторонников), либо — что наши ощущения, чувства, желания, все психические акты, одним словом, — это просто движения.

Именно это и утверждают. Приведу лишь несколько примеров. Г-н Рише заявляет, что до доказательства обратного он будет считать мысль и психическую деятельность вибрационным явлением, того же порядка и природы, что и все до сих пор известные вибрации. Он считает, что этот тезис является результатом законного умозаключения, потому что иначе мысль оказалась бы исключением без аналогов в мире.

Г-н Герцен: «Всякий психический акт состоит в особой форме движения». Г-н Молешотт: «Мысль — это движение материи. Мысль — это трансформация мозговой материи». Таковы тезисы материализма.

Я испытываю некоторое замешательство перед подобными утверждениями. Они весьма ясны — в том смысле, что слова прозрачны и не затемняют мысль. Но сама мысль кажется мне непостижимой в той мере, в какой она ясна, — и я спрашиваю себя, удаётся ли тем, кто

её высказывает, действительно связать с нею какой-либо смысл. Отсюда моё замешательство. Однажды я говорил об этом с одним известным физиологом, и когда я несколько резко охарактеризовал утверждение, что психические явления суть движения, он ответил мне следующее: «Возьмём, к примеру, психический факт боли. Мы говорим, что свет и цвета — это колебания эфира; но ведь всем понятно, что чтобы эти колебания вызвали зрительные ощущения, они должны действовать на существа, способные ощущать. Мы полагаем, что, подобным образом, боль — это молекулярное движение нервной субстанции. Но совершенно ясно, что чтобы была боль — в психическом смысле слова — должен присутствовать „я“, субъект». И я согласился с собеседником.

Нет никаких возражений против тезиса, что боль, как и все прочие психические явления, имеет органическое условие. Но материализм не может допустить присутствия „я“ как особой реальности: он обязан утверждать — и он это делает — что там, где мы видим связь между движениями материи и духом, реально существует лишь движение материи, которое не является условием психических явлений, а и составляет их. Как же это понимать?

Послушаем г-на Тиндаля: «Допустим, что чувство любви соответствует правостороннему спиральному движению молекул мозга, а чувство ненависти — левостороннему. Мы бы знали, что когда мы любим — движение происходит в одном направлении, а когда ненавидим — в другом. Но вопрос, почему остался бы без ответа. Этот вопрос вообще бы не возник, если бы можно было признать, что любовь и ненависть не соответствуют движениям, а являются этими движениями сами по себе».

Теперь послушаем знаменитого физика Майера: «В мозге постоянно происходят материальные изменения, которые можно охарактеризовать как моторную активность, и операции ума каждого индивида тесно связаны с этой материальной мозговой активностью. Но грубой ошибкой было бы отождествлять эти два вида активности, хотя они происходят параллельно. Пример всё прояснит. Известно, что никакая телеграфная депеша не может быть передана без сопутствующей химической реакции. Но то, что сообщает телеграф, то есть содержание депеши, никоим образом не может рассматриваться как функция электрохимической реакции. Именно это — но с ещё большей степенью достоверности — можно сказать про мозг и мысль».

Как же пытаются оправдать утверждение, которое Майер считал грубой ошибкой? Нельзя отрицать различие между материальными и психическими фактами. Чтобы всё же утверждать их тождество, прибегают к следующей теории:

Речь идёт об одном и том же факте, имеющем две стороны — объективную и субъективную. Тело и дух — это одно и то же, но эта вещь предстаёт под двумя разными аспектами. Это не разница существования, а просто разница точки зрения.

М. Льюис (George Lewes), в частности, ясно выразил эту мысль. Он писал: «Ощущение можно безразлично называть нервным процессом или психическим процессом, молекулярным движением или состоянием сознания, потому что оно является тем и другим одновременно, поскольку речь идёт о двух сторонах одной и той же реальности». Так как этот автор заявляет, что необходимо открыто принять биологическую точку зрения, то есть рассматривать психические функции как жизненные функции, то получается, что движение — это то, что имеет субъективную сторону.

Леон Дюмон (Léon Dumont) хвалит Льюиса за то, что тот установил «тождество движения и ощущения» и заявил, что «ощущение — это само движение, рассмотренное с субъективной стороны».

Зайдя дальше Льюиса в том же направлении, он распространяет ощущение даже на физические и химические явления и пишет: «Всякое элементарное ощущение, по нашему мнению, осознаёт само себя, ибо чувствовать и осознавать — синонимичные термины. Мы не можем допустить, что некоторые движения не имеют субъективной стороны, и, следовательно, всякое движение, даже вне сознания личности, должно быть ощущением, фактом элементарного сознания, даже если оно, как сознание, остаётся полностью неизвестным другим фактам сознания».

Это — движение, которое имеет субъективную сторону с собственной точки зрения. Значит, движение — это то, что рассматривает само себя, то под одной стороной, то под другой. И, глядя на себя со стороны субъективной, то есть становясь субъектом, чтобы рассматривать себя как объект, оно становится ощущением, чувством, мыслью, волей. Я не знаю ничего более непостижимого во всей истории философии, чем эта теория субъективной стороны движений материи. Материализм настолько далёк от того, чтобы быть естественным плодом науки, что он, наоборот, является прямым отрицанием серьёзной и полной науки. Чтобы отождествить два порядка явлений, наблюдение которых утверждает их существенное различие, он вынужден блуждать в тёмных сферах, покрытых густыми облаками заблуждений.

Как объяснить, что эта доктрина соблазняет людей, в остальном достойных уважения, людей, в остальном разумных? Одним из главных объяснений этого явления является, несомненно, исключительная сосредоточенность на одном только порядке фактов. Открытия физики и чудеса промышленности, которые из них последовали, физико-химические объяснения множества жизненных явлений, развитие научной медицины — всё это обстоятельства, которые сильно направили внимание на науки о материи. Эти обстоятельства объясняют, хотя и не оправдывают, своего рода ослепление, которое охватывает некоторые умы и мешает им видеть что-либо, кроме одной стороны вещей. Отсюда — искушение свести всё исследование человека к изучению его органов.

М. Молешотт (Jacob Moleschott) пишет: «Я хотел внести свой вклад, насколько это в моих силах, вооружённый весами, воздушным насосом и микроскопом, в то, чтобы низвергнуть бессмысленные положения произвольной традиции». Традиция, которую Молешотт намерен низвергнуть, касается объектов, которые по своей природе ускользают от весов, микроскопа и насоса. Когда утверждают, что только эти инструменты могут принадлежать подлинной науке, забывают всё то, что ускользает от них. И тогда все явления духовного мира исчезают для взора, направленного исключительно на то, что можно видеть и взвешивать.

Изучение труда г-на Герцена (Herzen) весьма поучительно в этом отношении. Этот учёный объясняет, что существуют две разные концепции мира и человека:
— монизм, согласно которому все явления во Вселенной, включая психические, являются модификациями одной и той же сущности;
— и дуализм, согласно которому существует две разные сущности: сила и материя, тело и душа.

После этих разъяснений автор пишет: «Каждый может выбрать между дуализмом и монизмом и принять то, что соответствует его способу мышления и чувствования. В самом деле, наука не может доказать с абсолютной уверенностью ничего, кроме постоянного совпадения по времени и необходимой корреляции нервной вибрации и умственной активности. Она, таким образом, делает из них два неразрывных феномена, которые всегда должны проявляться вместе и не могут происходить один без другого. Но она никоим образом не может решить, являются ли умственная активность и нервная вибрация одной и той же вещью или двумя разными вещами, соединёнными таинственной и непостижимой

предустановленной гармонией. По этому поводу не может быть положительных доказательств, поскольку, чтобы их предоставить, надо было бы проникнуть в сущность вещей, а сущность вещей недоступна нашему разуму».

Здесь стоит отметить ложно установленную идентичность между двумя различными идеями:
— тем, что явления проявляются всегда одновременно,
— и тем, что явления не могут существовать друг без друга.

Это нелегитимный переход от реально наблюдаемого к необходимому, что является категорией разума. Важно это отметить, потому что это — типичный приём эмпирической школы. Так, например, Молешотт требует, чтобы признали: «Мысль — это просто страница, на которую записываются факты, и у неё нет никакой другой привилегии, кроме как пересказывать их», и он пишет: «Законы природы — это наиболее точное выражение необходимости». Но очень трудно понять, как необходимость может быть фактом, который мысль просто «пересказывает».

Но вернёмся к г-ну Герцену. После того, как он в начале своего труда (стр. 6) заявил, что наука не может решить, кто прав — монизм или дуализм, этот учёный приступает к специальному изучению физиологии, и продвигаясь далее, он пишет:

Стр. 31 — говоря об отношениях между организмом и психическими функциями: «Важно, чтобы мы ясно осознали: здесь речь идёт об одной-единственной вещи, чьё существование предполагает два одинаково необходимых атрибута — материальный и динамический».

Стр. 53. «Сила и материя — это одно и то же, и могут быть разделены лишь словесно. В подтверждение этой идеи я призываю в свидетели физику и всю современную химию: они не оставляют в этом отношении ни малейшего сомнения. Эти две точные науки, если таковые вообще существуют, непримиримо осуждают распространённое представление о существенном различии между силой и материей и, следовательно, дуализм, который является философским выражением этого представления».

Стр. 85. «Психическая активность должна быть и не может быть ничем иным, как движением».

Стр. 94. «Всякий психический акт состоит в передаче и в преобразовании внешнего импульса — то есть представляет собой особую форму движения».

На стр. 6 говорится, что наука оставляет свободный выбор между монизмом и дуализмом, а на стр. 31 и 53 дуализм представлен как вульгарное представление, абсолютно осуждаемое наукой. На стр. 6 утверждается, что мы не можем проникнуть в сущность вещей, а на стр. 85 и 94 утверждается, что движение — это сущность психических актов. Противоречие очевидно. Я объясняю его исключительно физиологической направленностью автора. Стр. 6 написана человеком, который видит разные стороны вещей; следующие страницы — физиологом, оставшимся один на один с материей. Легко было бы привести и другие аналогичные примеры противоречий.

Забвение непосредственных данных сознания — вот что единственное позволяет отождествлять физиологические явления и психические. Чтобы принять это отождествление, нужно рассматривать исключительно материальный орган мышления и абстрагироваться от самого Я, которое мыслит. Забыв о Я, приписывают субъективные элементы объективно наблюдаемым фактам. Интересно изучить механизм внимания, как это сделал г-н Рибо. Только следует избегать путаницы между физическими условиями и

проявлениями этого психического состояния и самим этим состоянием, которое никак не может быть отнесено к материи.

Нет ничего более неуместного и противного требованиям серьёзной науки, чем утверждение д-ра Луи: «нервный элемент внимателен», «клетка мозга становится внимательной». В поэме Ламартина волна становится внимательной; но никто не воспринимает эту поэтическую метафору буквально. Так и нервная клетка, как чисто материальный организм, не более способна к вниманию, чем вода озера Бурже. Исключительное внимание к физиологическим феноменам, которое отбрасывает в тень Я — носителя разума и воли, влечёт за собой серьёзную путаницу понятий: между условиями проявления силы и самой этой силой.

Этот вопрос был очень удачно освещён Клодом Бернаром. Он отмечает, что некоторые состояния организма уничтожают проявления свободной воли, как это бывает, например, при безумии. Из этого он заключает, что существуют органические условия, которые необходимы, чтобы свобода могла вступить в действие. Но ясно, что эти условия возможности действия силы — не есть сама сила. Чтобы солнечные лучи снова засияли после затянутого облаками неба, ветер должен разогнать тучи; но ветер, разгоняющий тучи, — не есть источник света. Если дух проявляется только при наличии определённых органических условий, то как тогда представить его существование, когда эти проявления исчезают?

Чтобы ответить на этот вопрос, психология может заимствовать свет у физики. Декарт, исходя из механистической концепции, утверждал сохранение количества движения в мире, выражаемого формулой MV (масса × скорость). Лейбниц утверждал, что сохраняется не количество движения, а количество живой силы, выражаемое формулой MV^2 (масса × квадрат скорости). Живая сила действительно, по-видимому, сохраняется в равном количестве при разных трансформациях реализованного движения. Но закон сохранения энергии можно установить только при допущении существования не проявленных сил, находящихся лишь в потенциальном состоянии. Вот почему Гельмгольц был вынужден написать: «Сумма живых сил и потенциальных энергий постоянна».

Самые последние достижения науки таким образом приводят нас к мысли Аристотеля, различавшего то, что существует в действии, и то, что существует лишь в возможности. Если мы вынуждены признать существование физической силы в потенциальном состоянии, то не труднее допустить и аналогичное существование психической силы. Дух не состоит из уже совершённых актов, а из способности их совершать. Не отличать возможные проявления существа от его актуальных проявлений — это серьёзная ошибка. Я признавал, на протяжении всего вышеизложенного, неразрывную связь психических явлений с движениями материи, составляющей человеческое тело. Это действительно подтверждается обычным и общим опытом. Дух не проявляется без наблюдаемых (или чаще — логически предполагаемых) мозговых феноменов.

Но разве не существует ни одного факта, открывающего другой путь для размышления? Чтобы прояснить вопрос: Разве никогда не фиксировались восприятия, абсолютно аномальные с точки зрения нашей физиологии? Рассказывают, что в 1756 году знаменитый Сведенборг, возвращаясь из Англии, высадился в Гётеборге и описал пожар, который в тот самый момент происходил в Стокгольме. Его описание, как утверждают, оказалось совершенно точным. Случай произвёл много шума, и Кант посчитал этот вопрос достаточно серьёзным, чтобы посвятить ему целое сочинение. Множество подобных случаев было засвидетельствовано. Долгое время учёные отказывались принимать их во внимание, отвергали их с высокомерным пренебрежением, довольствуясь ярлыком «суеверие». Но в последние годы в научной среде произошла очень заметная перемена. В связи с

таинственными феноменами гипнотизма утверждали и продолжают утверждать, что границы возможного нам неизвестны, что никакое априорное рассуждение не может противостоять факту, и что термины «невероятное», «странное», «невозможное» — отнюдь не синонимы.

Рассказам, прежде слишком презрительно отвергнутым, может быть, теперь придают слишком лёгкую веру — со стороны тех учёных, которые считают себя представителями экспериментального метода. Но, во всяком случае, в логическом отношении достигнут значительный прогресс. Теперь понимают лучше, чем раньше, что только противоречие делает невозможное невозможным, и что в сфере фактов всё, что удостоверено надёжными свидетельствами, должно быть принято, как бы странно оно ни казалось.

Под именем ментального зрения или второго зрения утверждаются в наши дни факты, аналогичные видениям Сведенборга. Большинство рассказов подобного рода следует принимать лишь с оговоркой и оценивать их как временные и подлежащие пересмотру; свидетельства, передающие эти рассказы, должны быть взвешены с особой тщательностью. См., например, статью г-на Дафэ в журнале Revue Philosophique за февраль 1889 года и подробное изложение явлений этого рода, которое я поместил в том же журнале в номере за июнь 1890 года, стр. 634 и 686.

Более того, такие факты не могут служить основанием для индукции, подобной той, которую делает физик, исходя из предпосылки постоянства природных явлений, когда он способен на основании одного достоверного наблюдения заключить к закону. Действительно, весьма вероятно, что в случаях аномального восприятия, если они вообще существуют, описанные видения смешиваются с галлюцинациями. Следовательно, всегда следует допускать возможность простого случайного совпадения между галлюцинацией и внешним явлением. Однако понятно, что гипотеза случайных совпадений теряет свою убедительность по мере увеличения числа зафиксированных случаев. Вопрос состоит в том, достаточно ли таких наблюдений или может ли их стать достаточно, чтобы допустить, что аномальные восприятия действительно были достоверно зафиксированы.

Всякий благоразумный ум, полагаю, решит, что вопрос пока не может быть окончательно разрешён, но при этом априорное отрицание — антинаучно, и следует остановиться на вопросительном знаке. Остановившись на нём, мы сохраняем сомнение, имеющее большое значение. Если допустить хотя бы в качестве простой возможности, что дух способен к восприятиям в условиях, совершенно отличных от тех, которые определяет наша наука, то тезис учёных, которые, изучая явления нервной системы, утверждают, что психические явления — это лишь субъективная сторона физиологических, оказывается серьёзно подорванным. Действительно, могли бы существовать психические факты, которые мы бы наблюдали, не находя при этом никаких соответствующих физиологических фактов.

Бэкон, несмотря на его увлечённую склонность к материальным причинам, пришёл к мысли, что существуют определённые физиологические состояния, «освобождающие душу от уз тела и делающие её более способной наслаждаться собственной природой». Это означает признание того, что дух познаёт благодаря своей собственной природе, и что органы, служащие средствами для познания, также являются и его пределом. Выражение ментального зрения (vision mentale), если понимать его буквально, имело бы то же значение, поскольку речь идёт о восприятии духа в противоположность телесным восприятиям органов зрения.

Можно, исходя из индукции и аналогии, считать действительность чисто ментальных видений крайне сомнительной. Если же факт аномального восприятия действительно существует, можно предположить, что он является результатом действия материальной

среды, с которой мы вступаем в контакт лишь в исключительных физиологических условиях. В этом случае природа духа, о которой говорит Бэкон, заключалась бы не в чисто ментальном познании, а в способности познавать благодаря различным отношениям с материей — то с помощью органов, являющихся объектом наших физиологических исследований, то с помощью процессов, чьё вмешательство столь редко и исключительно, что они, вероятно, всегда будут ускользать от научного изучения.

Вопрос в том, существуют ли истинные галлюцинации, которые позволяли бы подозревать существование формы сознания, члены которой, несомненно, ускользают от нас, но которая всё же иногда проявляется у некоторых людей. Даже если допустить, что эта способность к познанию имеет материальные условия, такое двойное отношение духа с физическим миром представляло бы, на мой взгляд, аргумент в пользу сторонников реального, отличного бытия духа. Материалисты могут, конечно, утверждать, что аномальные восприятия, как и обычные, — это лишь движения мозговой материи, существование которых нам мешает признать лишь наше невежество.

Тем не менее, если было бы доказано существование двух различных видов восприятия, то самым естественным объяснением фактов было бы признание того, что дух, обладая собственной реальностью, способен вступать в контакт с физическим миром двумя способами: обычным и редким, исключительным. Материализм не покидает сферу науки — его туда вписывают. Это философская система, плод поспешной индукции, ограниченной одним лишь порядком явлений, которая затем необоснованно навязывается как априорное положение, несовместимое с данными полноценной науки. Несомненно, именно не наблюдение позволяет утверждать, что «мышление — это вибрационное явление того же порядка и той же природы, что и все известные до сих пор вибрационные явления», ведь наблюдение устанавливает, что между движениями материи и самой простой из ощущений существует непреодолимая двойственность, которую способен игнорировать лишь систематичный ум.

Материалистам часто говорят: Вы видите лишь один порядок явлений — те, которые воспринимаются чувствами, — и вы забываете о другом — о порядке явлений, воспринимаемых внутренне, духом, который осознаёт себя и свои состояния. Можно дать ещё более прямой ответ: Какое представление вы имеете о материи, к которой вы стремитесь свести всю реальность?

Существование внешних тел вы узнаёте через их сопротивление движению ваших органов, а существование собственного тела — через его сопротивление вашим волевым усилиям. Следовательно, именно актом воли вы приобретаете представление о существенных качествах тел — форме и движении. Эти качества существуют для глухих, для слепых, для людей, лишённых вкуса или обоняния. А откуда у вас представление о других свойствах тел — о свете, цвете и пр.? Оно возникает из соотношений между вашей способностью чувствовать и движениями внешней материи, которые преобразуются в движения вашей нервной системы. Без способности чувствовать остались бы лишь движения, являющиеся объективным условием ощущений. Таким образом, именно через чувствительность вы получаете представление о вторичных свойствах тел.

А откуда у вас представление о законах движения, при помощи которых вы стремитесь всё объяснить? Ни одним из чувств мы не воспринимаем математику, которая лежит в основе механики. Это посредством разума вы получаете представление о законах природы. Следовательно, даже в одном лишь рассмотрении науки о материи дух проявляется в трёх своих функциях: воле, чувствительности и разуме, и можно сформулировать следующее утверждение, которое приобретает степень достоверности, пропорциональную степени внимания, которую ему уделяют: материализм — это ошибка.

Приложение вернуться к содержанию >>>

После того времени, когда он удостоил вниманием мою рукопись (см. выше, стр. 11), г-н Флурнуа опубликовал исследование по психологии, вполне заслуживающее внимания друзей науки. Читатели в нём, вероятно, встретили взгляды, которые на некоторых важных пунктах расходятся с моими. Существование этих расхождений лишь усиливает значение того заверения, которое г-н Флурнуа был столь любезен мне дать: по его мнению, в моей работе нет ничего, что противоречило бы данным современной науки. Это благоприятное суждение не может быть истолковано как результат той снисходительности, которую порой проявляют друг к другу люди, исповедующие одни и те же взгляды.

Г-н Флурнуа, обращаясь специально к студентам — так же, как это делаю и я на предыдущих страницах, — мне кажется полезным кратко изложить здесь суть его работы, указать точки, в которых я с ним согласен, и те, где наши взгляды расходятся.

О его труде: «Matière et Psychologie», доктор медицины Т. Флурнуа. — Брошюра in-8°, 188 стр. Женева, книжный магазин Георга, 1890.

Из его сочинения «Материя и психология» можно выделить четыре основные тезиса, составляющие его сущностную часть:
1. Психология должна быть освобождена от всякой философской априорной теории и не иметь иного основания, кроме наблюдения фактов.
Именно при этом условии физические и естественные науки оформились, отделившись от преждевременных синтетических попыток, характерных для начала научного мышления. Психология должна поступить так же. Это — самостоятельная наука, основой которой должно быть исключительно наблюдение за теми особенными классами явлений, которые составляют её предмет.

2. Человек обнаруживает в себе два гетерогенных класса фактов, одновременность которых не должна заставлять забывать их принципиальную различность.
Физиологические факты объективны и сводятся к движениям материи, наблюдаемым непосредственно или выведенным по аналогии. Психические факты, несмотря на их разнообразие, обладают общим свойством — они проявляются в сознании. Они, по сути, субъективны, так что ни один внешний наблюдатель не может их непосредственно засвидетельствовать. Только доверие к свидетельству другого человека позволяет нам с уверенностью знать, что происходит в чужом уме.

Утверждение о существовании бессознательных психических фактов противоречиво, поскольку именно сознание придаёт этим фактам их характер и очерчивает границу, отделяющую их от чисто физиологических явлений. Если исключить сознание, остаются лишь движения, которые будут лишь условием психических феноменов, когда сознание снова появится, но которые сами по себе, в изоляции, подлежат лишь объективному исследованию. Движения материи и акты сознания — абсолютно гетерогенные концепции: здесь два класса явлений, неприводимых один к другому. Двойственность феноменов есть для беспристрастного психологического исследования непосредственная очевидность, первичная данность, отправная точка.

3. Эти два неприводимых друг к другу класса фактов в нашем опыте всегда оказываются неразрывно связаны. Их одновременность столь же несомненна, как и их различие. К утверждению двойственности феноменов присоединяется тем самым утверждение их параллелизма. Этот параллелизм непосредственно наблюдаем во множестве случаев, когда такой-то физиологический факт всегда сопровождается таким-то психическим, и наоборот. Нас естественным образом приводит к мысли, что этот параллелизм

простирается за пределы не только имеющихся, но даже возможных наблюдений, и что каждый психический феномен коррелирует с определёнными движениями мозговой субстанции.

Наша наука о функциях мозга, бесспорно, крайне зачаточна, но ничто не мешает надеяться, что она укрепится и разовьётся. Из параллелизма феноменов вытекает важный вывод: психические явления — впечатления, образы, желания, акты воли — поддаются последовательному описанию, выражаемому в виде законов. Их физиологические корреляты могут помочь в установлении этих законов, предоставляя психологии — то есть непосредственному изучению духа — поддержку в виде методов объективного исследования, благодаря которым физические и естественные науки достигли своего прогресса. Дуализм и параллелизм — вот два принципа, которые всегда следует иметь в виду для основательного и плодотворного изучения человеческой природы. Соответствие двух классов явлений не может получить удовлетворительного объяснения в рамках экспериментальной науки. Философские гипотезы о соединении души и тела не проливают никакого света на то, как осуществляется это соединение.

4. Чувства долга и ответственности, а также все вытекающие из них моральные суждения предполагают существование свободной воли. Там, где всё предопределено, нет места понятиям добра и зла, которые являются одними из важнейших проявлений человеческого сознания. Детерминизм и свобода воли — взаимоисключающие понятия. Попытки некоторых философов примирить идею ответственности с необходимой обусловленностью психических явлений не выдерживают разумной критики.

Эти четыре тезиса, по моему мнению, представляют собой законное выражение результатов психологического наблюдения. Г-н Флурнуа отстаивает их с прочной аргументацией, подкрепляя важными цитатами. Он убедительно опровергает различные софизмы, посредством которых пытаются заменить дуализм человеческих феноменов монизмом, который в нынешнем состоянии умов часто принимает форму материалистического монизма.

Когда говорят о физиологической психологии, часто случается так, что прилагательное пожирает существительное, и физиология не помогает, а заменяет психологию. В условиях современных дискуссий этот труд, о котором я сейчас говорю, может быть действительно полезен студентам, о которых думал автор, составляя его. За исключением некоторых частных и малозначительных оговорок, я полностью согласен с автором в той части его исследования, которая сохраняет подлинно экспериментальный характер. Но это не касается его общих взглядов, составляющих его философию, которую я не касался в изложении выше.

Вот выводы работы г-на Флурнуа:
Мы должны ревностно заниматься науками; и мы должны с не меньшей ревностью практиковать как частные, так и социальные добродетели (стр. 84). Эти два превосходных наставления не вызывают никаких возражений. Но вот мысль, устанавливающая между ними связь таким образом, что она порождает серьёзные трудности: Между идеей науки и практикой добродетели существует логическое противоречие.

Цель науки — понять. Понять событие — значит связать его с его причинами, то есть указать цепочку и совокупность предшествующих событий, которые его вызвали, которые сделали его необходимым. Основополагающий аксиом всякой науки — это абсолютный детерминизм (стр. 64). Абсолютный детерминизм всех явлений — единственный принцип, который может, в любой области, служить основанием подлинной науки (стр. 69). Но разве детерминизм не отрицает всякий элемент свободы в человеческих поступках? Безусловно.

Отсюда — наука заканчивается там, где начинается свобода (стр. 64). Но эту свободу, которую наука отвергает, сознание утверждает. Да, идея свободной воли ставит мысль в тупик: Наука её исключает как свою противоположность, а ответственность требует её как своё необходимое условие (стр. 68).

Как выйти из этого положения? Допустив, что направляющие принципы научных исследований не позволяют делать утверждения о подлинной природе вещей (стр. 76); допустив, что научная истина может не быть истинной в глубинном смысле (стр. 129). Тогда можно развивать науку, которая отрицает свободу воли, не позволяя ей разрушать моральную жизнь, которая эту свободу предполагает и проявляет. Моральная вера, направляющая поведение, сосуществует с наукой, ценность которой отмечена вопросительным знаком. Реальность в своей сущности (та, что, по-видимому, и составляет основание нравственной жизни) — не может быть ни представлена, ни понята, а только пережита и осуществлена (стр. 76).

Это — точка зрения Канта, которую можно образно выразить так: он принёс науку в жертву добродетели. Это — слишком напряжённое положение для мысли, чтобы можно было принять его, не изучив всерьёз его ценность и не распознав его истоки. Откуда происходит мысль о том, что всякая наука имеет в основе детерминизм? Она возникает прежде всего из рассмотрения естественных наук, методы которых предполагается распространить на все остальные области.

М. Флурнуа говорит о физических и естественных науках и, кажется, иногда опускает эти прилагательные, чтобы вывести обобщающие выводы о науке вообще (см. «Предисловие», а также стр. 83, 88, 89). Он прямо признаёт, что концепция детерминизма постепенно расширяется из области физики, где она не вызывает трудностей, на историю и психологию (стр. 66). Но он прекрасно понимает, что это расширение принципа вызывает серьёзные трудности, которые он ясно и энергично обозначает. Почему же эти трудности его не останавливают?

Потому что, по его мнению, детерминизм — это не просто результат индукции, распространяющей принципы физических наук на все области, но сам принцип всякой науки, аксиома, априори (стр. 76, 83, 127). Факт считается научно понятым лишь тогда, когда он объяснён через предшествующие события, из которых он вытекает с необходимостью (стр. 64).

Такая концепция науки оправдана полностью, если принять объяснение вселенной, предлагаемое идеалистической философией. Если логика — это суть вещей, выражение высшей реальности, как это понимают Спиноза и Гегель, то всеобщая необходимость становится основным утверждением разума, абсолютный детерминизм — верховным принципом науки, а свобода воли со всеми её последствиями — иллюзией, которую следует отвергнуть.

М. Флурнуа, однако, не идёт так далеко, поскольку он придаёт моральному чувству — которое требует свободы воли — достаточную значимость, чтобы считать науку, противоречащую ему, не более чем фантомом (стр. 76). Но откуда он черпает своё представление о науке? Трудно не заподозрить, что мыслитель, который порой использует по отношению к философии и метафизике (эти два термина для него, по-видимому, синонимы) выражения немного пренебрежительные, сам подсознательно подвержен влиянию вполне определённой философии. Не связано ли его представление о причинности с идеалистическим её пониманием, которое и ставит его в столь жёсткое положение, из которого он может выйти только отказом признать за наукой в его понимании подлинную объективную ценность? Это заслуживает внимательного рассмотрения.

Когда идеализм рассматривается как подлинная философия, то возникает притязание объяснять факты априори. Отсюда — острое противостояние философии и наук, потому что защитники экспериментальных наук справедливо возмущаются методом, который порождал лишь химеры. Но это противостояние, являющееся следствием ложного представления о философии, теряет основание, как только признаются правила истинного метода.

Философия — это общая наука, возвышающаяся над всеми частными науками, но результаты этих частных наук — её основание и критерий её гипотез. Все науки о фактах экспериментальны по своему содержанию и рациональны в своих объяснительных приёмах, и философия, в этом отношении, не имеет другой методологии, чем физика. Наблюдение фактов — её единственное законное основание. А наблюдение всех доступных нам фактов даёт двойной результат:

- С одной стороны, оно показывает нам совокупность явлений, подчинённых детерминизму, потому что материя, в которой они проявляются, рассматривается как подчинённая закону инерции. Это область физических наук в широком смысле.
- С другой стороны, оно выявляет совокупность явлений, постулирующих элемент свободы — это область моральных наук, в широком смысле.

Общая наука, или философия, не исполняет своего назначения, если не принимает во внимание оба порядка фактов. Представляют ли эти два порядка явлений противоречие для мысли? Отнюдь. Когда физические науки стремятся объяснить явления на максимально глубоком и отдалённом уровне, они приходят к гипотезе первоначальной туманности. Все физические факты должны находить объяснение в конфигурации элементов этой туманности, на которую подействовали первоначальный импульс и законы передачи движения.

Наблюдатель, обладающий абсолютным знанием физики, увидел бы в этой первоначальной туманности: континенты и моря, горы и долины, реки и потоки нашей планеты. Но увидел бы он там постройки, возведённые людьми — наши деревни и города, дома и церкви? Общее мнение — что нет. И это мнение не противоречит никаким научным данным. Природа, следующая своим обычным ходом, и деятельность человека, изменяющая этот ход, — относятся к разным порядкам фактов. Первые подчинены закону детерминизма, вторые выражают свободную и изменчивую активность человечества.

Но заключать из этого различия наличие противоречия было бы ошибкой. Человеческая деятельность не нарушает детерминизм природы, а лишь изменяет способ применения его законов. Всё, что может сделать человек, сводится, как сказал Бэкон, к приближению или удалению материальных элементов. Эти перемещения — дело воли; но как только они совершены, всё происходит в соответствии с законами природы. Если мы используем энергию водного потока, то не меняем её количество, а лишь её применение. Так же обстоит дело и со всеми физическими силами. Сосуществование природного детерминизма и свободной активности человека не представляет трудности для разума.

Применим эти взгляды к психологии. М. Флурнуа пишет: «Когда экспериментальная психология предполагает, что всё необходимо, что психические явления строго связаны, что свободы воли нет ни в её области, ни в физике, ни в астрономии, — она просто использует своё право и исполняет свой долг» (стр. 83). Это справедливо для физиологии, которая изучает природную составляющую человеческой сущности; но поступая так, психология не исполняет свой долг и присваивает себе право, противоречащее её самой сути. Ибо что отличает психические факты от физических? — Сознание.

Моральный долг, ответственность, свобода воли — их постулат — являются ли они фактами сознания? Без сомнения, да. Как же тогда психология может построить свой метод, не

принимая во внимание эти факты, которые уж точно не являются чем-то пренебрегаемым? Вместо того чтобы исходить из априорного детерминизма, представляющего собой внедрение философской концепции в область опыта, экспериментальная психология (я не признаю никакой другой, кроме легитимной) должна стремиться определить, насколько велик в человеческой жизни вклад детерминизма и свободы.

Это тот же вопрос, который возникает, когда мы рассматриваем соотношение между технической деятельностью и физическими силами природы. Психологические законы необходимо тщательно изучать, как и законы природы. Они составляют детерминированный элемент человеческой жизни; только они объясняют факты, если воля в них не вмешивается. Психические явления связаны с материальным миром через функции нервной системы, особенно — возможно, исключительно — через функции мозга. Именно во взаимодействии воли с механикой мозга и встаёт проблема.

Эту проблему ясно поставил и так же ясно решил Клод Бернар. Этот великий защитник физиологического детерминизма сделал оговорки, которые были недостаточно замечены, из-за чего из его доктрины сделали ложные выводы относительно свободы воли. Он указывал, что существует детерминизм несвободы, как это видно на примере безумия, вызванного расстройством организма. Из этого он разумно заключал, что существует и детерминизм свободы, то есть совокупность анатомических и физико-химических условий, позволяющих ей существовать. Когда эти условия выполнены, свобода может вступить в действие: «Но свободный акт возможен лишь в период инициирования феноменов; как только начинается фаза исполнения — детерминизм становится абсолютным. Воля оказывает начальное и свободное воздействие на мозговую субстанцию; всё, что происходит затем в нервной системе, уже подчинено законам физиологии».

Считать Клода Бернара сторонником механической необходимости — всё равно что приписывать Ньютону (вопреки его ясным заявлениям) утверждение о необходимости законов небесной механики. Но, — скажут сторонники универсального детерминизма, — наука хочет понять, а свободный акт не поддаётся пониманию; признать свободный акт — значит признать эффект без причины. Ответ на это возражение кроется в толковании принципа причинности. Основа всякой науки о фактах, аксиома всех аксиом — всё происходящее имеет причину. Признать событие без причины — значит приписать силу ничему, что является логическим противоречием.

Но у нас есть две совершенно разные идеи о причинности:

- Первая — причинность физическая: причина — это предшествующее событие, производящее последующее по закону необходимости. Это каузальность-необходимость, на которой основан детерминистский взгляд на науку. Эта идея применима и к связям психических явлений — пока в них не вмешивается свобода воли.
- Вторая — моральная причинность: причина — это сила свободных определений, основание которых находится в самом существе того, кто действует. Это — причинность личности, как мы её переживаем в жизни, и как признают и простые люди, и философы (ср. «Элементы метафизики», т. I, стр. 61–62).

Производимые таким образом эффекты столь же поддаются разумному пониманию, как и в первом случае. Если принять принцип инерции материи и психическую инерцию (как её аналог), то можно логически вывести необходимое сцепление всех фактов. Если принять идею свободной силы, то разум выводит из неё возможность различных определений в каждом её акте.

Переход от природы причины к природе её последствий столь же логичен в одном случае, как и в другом. Единственное, чего требуется, — отказаться от стремления распространить физическую причинность на все порядки явлений, и этот отказ диктуется требованиями морального чувства, которое есть одна из основных данностей психологии. Невозможно отрицать, что у нас существует совершенно чёткое представление о двух видах причин:

- о причинах, чьи следствия необходимы,
- и о свободных причинах, чьи следствия случайны и изменчивы.

Те, кто отрицает реальность причин второго рода, не могут отрицать, что у них есть сама идея этих причин, — и это вполне понятно, ведь нельзя отрицать то, что можно представить. Естественно задаться вопросом, какая из этих двух идей является первичной. Где для нас находится первичный образ причины, которая в самом общем смысле представляет собой творящую силу, которую тщетно пытались свести к простой мысли о последовательности явлений? Очевидно, невозможно вывести идею свободной причины из идеи необходимой связи.

Наоборот, понятно, что человек, черпая идею причины из чувства собственного могущества, затем распространяет её на природу, при этом, исключая элемент свободы, чтобы сохранить лишь идею определяющей силы, природу которой наука пытается уточнить. Если это так, то свободная воля научно отрицается во имя концепции, происхождение и реализация которой сама свободная воля и составляет истинную причину. Психология, чтобы заслужить звание экспериментальной, должна освободиться от априорного предположения, необоснованно заимствованного из физических наук, и от идеалистической интерпретации принципа причинности.

Изучая психические законы, проявляющиеся в цепи явлений, психолог не должен отрицать свободу воли, так же как физик не отрицает случайный и изменчивый характер продуктов человеческой деятельности. Вернувшись к своей подлинной природе, психология отдаст должное свободе и устранит ту резкую трещину, которая разделяет теоретическую мысль и жизнь — трещину, являющуюся неизбежным, ложным и болезненным результатом чисто детерминистского понимания всеобщей науки.

Возвращаясь непосредственно к причине, побудившей меня взяться за перо, повторяю в заключение, что те положения М. Флурнуа, которые сохраняют действительно экспериментальный характер, кажутся мне верным выражением данных наблюдений, а работа этого доктора медицины, обладающего ясным пониманием основ морали, может оказаться очень полезной в борьбе с материалистическими тенденциями, которым, увы, подвержены многие из его коллег.

† † †

Краткий обзор книги вернуться к содержанию >>>

Книга представляет собой философскую критику материализма, особенно в его претензии быть результатом современной науки. Автор показывает, что наука и материализм — это не одно и то же, и материализм как мировоззрение подрывает свободу, мораль и духовные основания человека. Он выступает за союз научного знания, нравственности и религиозной веры.

I. Обращение к швейцарским студентам

- Автор говорит от лица «старого студента» к молодым: он стремится предостеречь от влияния растущего материализма.
- Отмечает: материализм — не научный вывод, а опасная идеология.

II. Определение материализма

- Материализм = мировоззрение, сводящее всё к материи и движению.
- Главная идея: весь мир, включая человека, объясняется законами механики.
- Материалисты (Бюхнер, Геккель, Вогт) утверждают, что сознание — продукт мозга; свобода воли — иллюзия; духовные реалии — вымысел.

III. Критика моральных последствий

- Материализм не может быть основанием нравственности:
- Отрицает свободу — → невозможна ответственность.
- Отрицает душу — → нет бессмертия, смысла.
- Отрицает Бога — → нет высшей цели.
- Даже если некоторые материалисты — честные люди, это заслуга не теории, а их внутренней интуиции и нравственного разлада с собственной системой.

IV. Историческая альтернатива: традиция Швейцарии

- Швейцария XVIII века — исключение: все крупные учёные (Эйлер, Галлер, Де Соссюр, Троншен, Тиссо) были научными теистами, сочетающими науку с духовной верой.
- Их примеры противопоставляются французскому материализму (Ламетри, Гольбах и др.)

V. Примеры современных (XIX века) учёных

- А. де ла Рив, Агассис, Освальд Хеер — выдающиеся учёные и убеждённые анти-материалисты.
- Их наука не привела их к атеизму или нигилизму, наоборот — укрепила веру.

VI. Наука и духовность

- Наука, замкнутая на эмпирике, без философского и духовного измерения — «птица с обрезанными крыльями».
- Настоящая наука должна учитывать не только наблюдаемые явления, но и: совесть, свободу, религиозное чувство.

VII. Заключение

- Материализм не вытекает из науки, а из предвзятой философии.
- Истинная наука совместима с верой в Бога, бессмертие и нравственность.
- Призыв к молодым учёным: не поддаваться ложному антагонизму между разумом и верой.

Книга «Наука и Материализм» — интеллектуальное оружие в борьбе с научным атеизмом и вызов любому, кто хочет думать целостно.